

Юлия Комольцева
Я балдею от его ямочек

«ИП Стрельбицкий»

Комольцева Ю.

Ю. Комольцева — «ИП Стрельбицкий»,

Тебе 14, и против тебя весь мир. Одноклассники, тренер, спортивный режим, дождь за окном, равнодушие того, кто дорог, - все сразу! Но ты справишься! Ведь у тебя есть воля к победе и любящий дед, есть друзья и целая жизнь впереди.

Юлия Комольцева
Я балдею от его ямочек

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18470172

Мультимедийное издательство Стрельбицкого;

Аннотация

Тебе 14, и против тебя весь мир. Одноклассники, тренер, спортивный режим, дождь за окном, равнодушие того, кто дорог, – все сразу! Но ты справишься! Ведь у тебя есть воля к победе и любящий дед, есть друзья и целая жизнь впереди.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Юлия Комольцева

Я балдею от его ямочек

Глава 1

Тренировку отменили – с утра зарядил плотный дождь. Лина покорно уселась за книжку, но за окном, отвлекая, нарастал шум воды. Ветра не было, лило сплошняком. К южным ливням Лина за два года еще не привыкла. Забралась на подоконник, обхватила колени и смотрела, смотрела.

Поскребшись, как мышка, появился дед. Тоже загляделся. Мечтательно вздохнул:

– Вот принять такой душ, а?

В их малосемейке царил ужасный напруг с водой. Напор был такой слабенький, что приходилось набирать таз и устраивать обливания. Чаще всего холодные. Закалять, в общем, и волю, и организм. Мытье посуды тоже превращалось в целую баталию: кто кого, человек или скользкие от пены тарелки.

Правда, позавидуешь деревьям, принимающим качественный природный душ. Пальмы и сосны подставляли дождю огромные зеленые ладони.

– Ох и размечталась ты, гляжу, Аполлинару Матвеевна! – Раздался голос деда.

– Дедушка!

– Что, бабушка?

– Сто раз тебя просила, не называй ты меня так!

Дед довольно побрякивая, возразил:

– Как не называть, если тебя так называли!

– Сами называли, сами подковыривают!

– А ты не поддавайся, Аполлинару Матвеевна! Стойку держи!

– Вот был бы ты Фездипёкл Дормидонтович, я бы тогда тебя послушала...

Дед легонько провел ладонью по золотистому затылку. Не кипятись, означал этот жест. Лина знала, что деду нравится ее подначивать. Но сейчас настроения продолжать словесный пинг-понг не было.

Они помолчали, глядя на водопад за окном. Ветер проснулся, и опять словно застучали неумелые барабанщики. Лина сказала тихонько:

– Я недавно «Что? Где? Когда» смотрела, там вопрос такой интересный был. Про японскую пословицу. Угадаешь?

– Ну-ка, – дед азартно потер затылок, почти лысый от таких вот экзекуций.

Лина медленно, без выражения произнесла:

– Когда очень сильно кого-то ждешь...

Сбилась, помотала головой.

– Щас, погоди. Щас, скажу.

Она снова отвернулась к окну. Дед вздыхал рядом. Уже понял. Понял, да не так.

– Когда очень сильно кого-то ждешь, то за стук копыт его лошади принимаешь...

На этот раз голос Лины прозвучал уверенно и нежно. Дедушка положил ладонь на ее плечо, тихо сжал.

– Линочка, деточка...

Ее взгляд обрезал сочувствие на корню. Не надо этого! Не о том речь вообще!

– Дед, продолжи! Можешь?

Он надул щеки так, что морщины почти разгладились. И опять лысину потер. Будто правда задумался, заинтересовался. Она небрежно махнула рукой.

– Ну не пыжься! Слушай.

И, уплывая взглядом в далекое-далеко, Лина произнесла, как пропела:

– Когда очень сильно кого-то ждешь, то за стук копыт его лошади принимаешь... стук собственного сердца.

Дед не стерпел:

– Линочка!

– Красиво, правда? Ты думаешь, я про маму? Нет, дедушка, нет! Я просто влюбилась. Влюбилась!

Она соскочила с подоконника, закружилась в неистовом дикарском танце. Влюбилась, влюбилась, влюбилась! Как ей нравилось повторять это слово!

Но танцевать в их комнате было опасно. И для мебели, и для здоровья. Локтем Лина задела ширму, отгораживающую ее уголок, ойкнув, отскочила и сбила стул. Дед только кричал да почесывал лысину. Бедная девочка, думалось ему. Одинокая, бедная, влюбленная девочка.

Девушка – так бы возразила ему Лина. Четырнадцатый год пошел.

И не бедная вовсе! Море, горы, любимый теннис, – целый мир у ее ног.

И одиночество не грозит, – дед же рядом!

Друзей нет, это, конечно, минус. Но что делать, если она так и не вписалась в школьную тусу, не имеет желания обсуждать вампирские саги или аниме, и возможности висеть в инете, переписываться и пересмайливаться. Чего уж там, путевого телефона у нее нет. Вот и получается, нищевод. Так Лину и в глаза не раз называли. Она такая не одна, в курортном городке бедноты хватает. Но в основном это старички, у которых нет сил пахать ни в офисах, ни на огородах, или совсем уж опустившиеся семьи алкашей и наркош. Деклассированные личности, как их в русской литературе обозначали. Ровесники же Лины пытаются сами заработать на планшетник или айфон, если родители не в состоянии обеспечить.

А у нее просто другие приоритеты.

Эту формулировку Лина и сейчас повторяла про себя. Делая имитацию пультом от телевизора. Места в комнате явно не хватало, чтобы взять в руки ракетку и как следует отработать замах. Имитировать удары надо как можно чаще, так все теннисные авторитеты говорят. А теннис для Лины как раз и был главным приоритетом.

Раньше, в доюжной эре – так Лина называла свою жизнь с матерью, – тренировки особо не волновали. На турнирах, да, азарт просыпался. А занятия в зале казались скучными, зато команда подобралась дружная, веселая, и самые лучшие подруги Лины занимались в той же группе. Так что тогда теннис для нее был не спортом, а местом, где можно расслабиться и пообщаться. Забыться.

В этом городе, куда лет пять назад перебрался на пенсию дед, все встало с ног на голову. Ее привезли, как ненужного котенка. Вроде как на каникулы. И бросили насовсем. Здесь у нее ни друзей, ни нормального общения ни стало. Замороженная от горя и потрясения, она и в школе, и в теннисной академии будто просто отбывала повинность. Но именно мяч и ракетка разморозили. На юге гораздо больше кортов, чем в родном Воронеже, и наиграться можно вдоволь, не ожидая тренировки. Лине было все равно, кто бегал по ту сторону сетки. Первоклассник из младшей группы. Пенсионер, ветеран тенниса. Турист, прожигающий время и деньги.

Она стала приходить раньше всех, и уходить, когда уже зажигались фонари. Над ней шутили: «тебе нужны мячи с подсветкой». Она не отзывалась, она бегала, прыгала, потела, и радовалась тому, что от усталости не чувствует ничего. Ничегошеньки! Только этого ей и надо было.

Со временем корт стало не просто убежищем, а центром ее вселенной. У нее получалось! Количество перерастало в качество, и вскоре тренер ставил ее в пример остальным.

Конечно, это мало кому из ребят нравилось, над Линой уже не подсмеивались добродушно, а крутили пальцем у виска и шипели: «одержимая!». Вот тогда-то все и перевернулось. Важен был и процесс, и результат, а окружающие волновали очень мало. Лина все больше замыкалась в себе.

Южная эра открыла новые перспективы. Пусть Шараповой из нее не получится, но на свой кусок хлеба и независимость она сможет заработать очень скоро. Поможет деду. Купит квартиру. Или дом, лучше дом! На берегу моря, рядом с кортом обязательно. И всю жизнь будет играть в теннис, а когда состарится, – тренировать малышей.

Пожалуй, из всех людей на свете, кроме деда и тренера, она теперь воспринимала только их – маленьких детей.

И еще для одного было сделано исключение.

Лина как раз думала о нем, когда вдруг раздалась трель сотового. Уверенная, что звонит мать, – больше просто некому! – Лина не обратила внимания. Недовольно сопя, дед оторвался от чистки картошки. Предложил:

– Может, все-таки поговоришь?

Он всегда это предлагал.

Она отвечала по-разному, в зависимости от настроения. Однажды сорвалась в истерику, орала, пусть сам говорит со своей ненаглядной дочкой, если соскучился, а лично у нее, Лины, никакого желания нет слышать ее голос.

Звонки продолжались.

Дед пошел на звук, в поисках телефона. Иногда он действительно сам отвечал. Переговоры проводил в коридоре, так что Лина не знала, о чем они.

На этот раз он протянул ей трубку, стараясь скрыть удивление.

– Это не Рита. Незнакомый номер.

– Да она, она, – отмахнулась Лина, скорчив гримасу, – догадалась наконец-то с чужой мобилы набрать. Думает, я дура.

Дед высказался в том духе, что это предположение не лишено оснований. Раз Лина не соображает, что такие глупые уловки говорят об исключительном материнском отчаянии.

– Она же понимает, что ты все равно дашь отбой! Просто хочет услышать твой голос!

Лина закатила глаза, показывая, что не верит в такие сентиментальные порывы. Дед сердился и что-то доказывал. А телефон все звонил.

Если бы кто-то подслушал препирательства внучки с дедушкой, момент был расценен явно как нелепый и не стоящий подобного накала. Но некому было подслушивать, некому заглядывать в их комнату. Некому звонить.

Вот в чем соль.

– Между прочим, номер местный, – вдруг заметил дед.

Лина выдохнула. Ее ужасно выматывали ссоры с дедушкой.

– Ну, значит, ошиблись. Скинь да и все.

– Аполлинария Матвеевна! Какая же ты все-таки! – Тон у него сменился мгновенно. Дед расслабился и заулыбался. – А может, это что-то важное?

Телефон не унимался. Важное или нет, а упрямство абонента вырисовывалось отчетливо.

Замычав с досады, Лина выхватила трубку и рявкнула:

– Слушаю!

– Линка, привет! А я звоню, звоню, ты не берешь!

– Это кто? – Опешила от свойского, дружеского вопля Лина.

– Она меня не узнала, – заржали на том конце провода, – ты чего делаешь, май дарлинг? Давай ракетку в зубы и дуй на вокзал, автобус через полчаса.

У Лины мелькнула безумная мысль о том, что она упустила какой-то турнир.

Голос продолжал командовать:

– Будешь в паре со мной играть. Под мостом. Андестенд?

– Неа-а, – в несвойственной ей манере, совершенно сбита с толку, протянула она.

– Федь, это ты что ли? – Пришла догадка через мгновение.

Из знакомых только Федор, самый старший в группе, разговаривал подобным образом, в приказном порядке и вставляя английские словечки.

– Попала! – Снова развеселился он. – Ну, давай резче, мы тебя ждем.

Лина с непривычной робостью уточнила, кто это, мы. Федя раздражено прикрикнул:

– Тебе список скинуть? Или фото прислать? Ты играть хочешь? В Хосте под мостом сейчас свободно, андестенд ми?

– Ес, офкос, – машинально отбила Лина, – фенкью вери мач, ай эм квикли.

– Ну квикли так квикли.

И пошли гудки.

Обалделая, Лина пару секунд таращилась на деда. Он держал лицо – непринужденная улыбка, безмятежный взгляд.

– Меня пригласили поиграть. Ребята из группы.

– Ну и хорошо, ну и ладненько.

Она сорвалась с места, как собака с цепи. И заметалась, засуетилась, пихая вещи в спортивный рюкзак. Дед делал вид, что ничего особенного не происходит. Но Лина-то знала, себя-то не обманешь. Почти два года она притворялась, что ей нет дела до мнения окружающих, что в ее замкнутом мире ей комфортно, и ничего другого не надо.

Надо. Необходимо. Одна лишь мысль, что она кому-то нужна – не случайному сопернику по корту! – необычайно вдохновляла.

Перед выходом Лина даже у зеркала притормозила. Ничего интересного там не показали. Обычная девочка-подросток. Удобная короткая стрижка, бледные губы, облупленный от загара нос. Глаза большие, выразительные, но цвет невнятный – то ли карий, то ли зеленый. В крапинку.

Ладно. Жить можно.

– Ты очень хорошенькая, – сказал за спиной дед, – вся в мать!

Он всегда знал, как ее подбодрить.

– Да ну тебя, дедушка!

– И тебя, бабушка!

Дед протянул дождевик.

Меря сапогами лужи, больше похожие на озера, Лина с улыбкой думала, что только сумасшедший в такую погоду радуется прогулкам.

Она была без ума от тенниса.

И не она одна, как выясняется.

Когда Лина оказалась на вокзале и увидела у пригородных касс ребят, улыбка ее невольно стала шире. Догадки оправдались. Рядом с Федором стоял Егор.

Она замедлила шаг. Она всегда так делала, чтобы посмотреть на него подольше.

Нельзя сказать, что его внешность особо привлекала внимание. Невысокий, плотный, темноволосый, но с выгоревшим чубом. Когда он улыбался, ямочки на щеках делали его похожим на вредливого карапуза.

В целом Егор ничем не выделялся из толпы, разве что модными шмотками. Но это Лина узнала лишь из разговоров девчонок, сама она в брендах не разбиралась, конечно.

– Он классный, – каждый раз единодушно подытоживали одноклассницы, обсуждая Егора.

А как-то Лина услышала сквозь хихиканье чье-то робкое признание:

– Я балдею от его ямочек.

Большинство поддержали. И тоже глупо посмеивались.

Самой Лине было трудно определить, почему именно Егор приковывает взгляд.

Шла и смотрела. Вот и все.

– Салют! – Кивнул он ей.

Ямочки не появились.

– Бегом, мы уже билеты взяли, – вместо приветствия заявил Федор.

А девушка, третья в компании, вежливо поздоровалась. Лина подозревала, что она тут будет. Где Егор, там и Карина. Или наоборот.

Они побежали к автобусу.

Усевшись, Лина протянула Федору деньги за билет.

Вот кто вызывал несомненный интерес окружающих, так это Федя. Долговязый, с торчащими рыжими вихрами, обвешенный фенечками и амулетами. И всегда несуразно одетый. Свитер, к примеру, мог запросто заправить в теннисные шорты. Сейчас, скинув с себя плащ, он оказался в широкой майке, надетой сверху на водолазку. То ли рассеянный, то ли по барабану ему.

Лина о Феде не думала.

Мысли ее кружились вокруг да около Егора. А тот сидел рядом с Кариной. Их головы почти соприкасались.

Ну, это естественно, уговаривала себя Лина. Они знакомы с первого класса, тысячу лет! Оба из обеспеченных семей, учатся в частной школе, куда их подвозят на машине. Оба держатся с уверенностью людей, которым в жизни все удастся. Легкие, коммуникабельные, здоровые оптимисты.

Даже внешне похожи. Только Карина смуглей, у нее папа армянин, и это отчетливо проступает в чертах лица. Крупный нос не портил ее. Это была очаровательная девушка, статная, с размашистыми движениями. Лина и на нее смотрела всегда с удовольствием, без зависти.

Они – Карина и Егор – из победителей, и дело даже не в турнирах, где оба зачастую брали первые места.

Это все причины, и как следствие – две головы рядом, плечом к плечу.

Так рассуждала Лина, и очень гордилась, что ей удалось все разложить по полочкам. И старательно не замечала зудящий голосок, что твердил ей: все это чушь!

Федор между тем что-то рассказывал. Вернее, внушал. Его категоричность всегда забавляла Лину. Она прислушалась, чтобы отвлечься от собственных метаний.

– ... и ежедневно тренируются, понимаешь! Эври дей! А мы чем хуже? Вот отрыли этот мост, там в любой дождь можно играть!

– Откуда у тебя мой номер? – Перебила Лина.

Хотя спросить хотелось о другом. Почему, он вообще позвонил? Зачем она им вдруг понадобилась? Играли бы в короля или тройку...

– Да я у Макса спросил. Ты, кстати, громкость включила? У тебя явно на вибро стоял, я тупо прозвониться полчаса не мог!

Максом звали тренера. Конечно, за глаза.

Федор все распинаялся о кортах под мостом, о том, что надо тренироваться каждый день, и ездить на турниры еще чаще. Четырнадцать лет – опасный возраст во всех отношениях, в теннисе точно. Многие уходят, ломаются или надоедает. Или деньги у родителей кончаются.

У нас они и не начинались, подумала тут Лина.

Объявили их остановку. Егор на выходе протянул руку Карине. И не выпускал ее всю дорогу.

Дождь все наяривал, в апреле здесь это обычное явление. Им навстречу прошла старушка с пакетом на голове. А следом – турист в шортах, шлепанцах и под зонтом.

Егор с Кариной рассмеялись.

Корты Лине не очень понравились. Задумка чудесная – использовать автомобильный мост, как крышу. Но освещение было жутким, и в балки перекрытий, – она заметила сразу, – мячи будут попадать, как миленькие. Значит, свечки не попускаешь. Жалко.

Ребята разминались, переговариваясь. Только Лина молчала. Пару раз она ловила на себя взгляд Карины. Слегка высокомерный, как показалось. Ну это было предсказуемо. Лина ощущала себя бедной родственницей, которую позвали на семейное торжество из жалости. Подъедать крошки с барского стола. Ладно, она не гордая. То есть, гордая, конечно, но кто тут барин, а кто – нет, это еще разобраться надо.

Мешанина царила у нее в голове.

Игра мигом вытеснила все. Стоило зайти на корт, все остальное перестало иметь значение. Они играли пара на пару. Лина встала у сетки, Егор на другой стороне занял ту же позицию. Нет, Лина не видела даже его. Любой матч был важнее. Каждый мяч был дороже. На Егора она посмотрит потом. И никакая Карина не сможет этому помешать!

В перерыве Федя гоготнул:

– А мы тут не одни, братья-славяне!

Он махнул в сторону, где у стенки прыгала худенькая фигура с ракеткой. Треники и кофта пузырились на ней, явно с чужого плеча.

– Во хохол, а! – Восхищенно продолжал Федор. – В любую дырку пролезет! И откуда он про мост узнал?

Все еще лило. Стука мяча было не слышно. Мальчишка скакал на одном месте, не бегая, не суетясь. Лина залюбовалась его спокойными, четкими ударами. Раньше он двигался иначе – неуклюже, нервно, постоянно озираясь вокруг.

Ребята болтали о чем-то своем. А Лина, все поглядывая на мальчика, вдруг почувствовала себя еще более одинокой, чем обычно.

Глава 2

Впервые он появился на кортах зимой.

Вообще-то в это время тренировались в арендованных залах – своей закрытой базы не было, – поэтому, чтобы сэкономить, как только позволяла погода, все торопились на свежий воздух. Резиновое покрытие – хард – быстро протирали сами, не дожидаясь уборщиц. И, сбросив куртки, становились играть.

Вот в такой ясный день Лина на входе столкнулась с парнишкой, которого не пускал охранник.

– Это академия, понимаешь ты? – Объяснял раздраженный страж. – Тут с пяти, ну с семи лет надо начинать, а ты уж вон лоб здоровый! Иди на частные корты, арендуй да играй!

Вообще-то и здесь резину реально было заполучить для игры, когда заканчивались тренировки. Лина сама зачастую после занятий играла с «вольными слушателями».

Она пригляделась к парнишке. Худой, белобрысый, всколоченный, с независимым видом он держал руки в карманах и чуть раскачивался на носках. Казалось, вот-вот засвистит. Будто все ему нипочем.

На бледном лице чернели глаза: круглые, черные, нахальные.

Лине вспомнилось название рассказа – «Нахаленок». Это слово будто нарисовалось на лбу мальчишки. Он был не выше ее, и, вероятно, помладше. Одетый не по сезону, – штаны да олимпийка, – а за спиной ракетка в чехле. Нелепое создание, будто выпавший из гнезда птенец – растерянный, голодный, но облагленный от страха. Знает, что терять нечего.

Она поняла, что платежеспособность клиента вызывает у охранника вполне очевидные опасения. Ни до, ни после тренировок Нахаленок сюда не попадет.

Ей ровным счетом не было никакого дела до этого факта.

– Да пусти ты его на стенку, дядь Сереж, – сворачивая в раздевалку, услышала она веселый бас.

Так Нахаленок, благодаря Палычу, получил прописку в академии.

Громоподобно и одинаково весело Дмитрий Палыч и хвалил, и ругал, и раздавал указания. Он был классным тренером, все ребята его уважали и любили. Тем более, что большинство в группе неизменно тренировались у него уже 6–7 лет!

Это был своего рода закрытый клуб. Не то чтобы элитный, скорее, домашний, семейный клуб по интересам. Вместе занимались, играли, отмечали дни рождения, частенько устраивали вылазки на море или в горы на шашлык, ездили на турниры по всему побережью. Тогда брали и Макса – младшего тренера. И Лина тоже присоединялась.

Во всем остальном она участия не принимала. Ей и так повезло, что попала сюда. Дед всю жизнь занимался борьбой, переехав на юг, нашел знакомых по спорткомитету. Это пригодились, когда здесь оказалась Лина. В общем, устроили ее по благу в хорошую школу (академию!) к хорошему тренеру. Когда Лина узнала, сколько дед платит за занятия, ей сделалось дурно. Но к тому времени отказаться от тренировок она уже не могла, и, пошумев, навозмущавшись вдоволь, пошла на уступки. Все-таки стала принимать часть материнских подачек. Отступных, как она их называла.

Ну еще, конечно, пришлось ноут продать, дубленку, кучу прочего барахла. В Воронеже мать одевала ее, как куколку, баловала. Теперь Лина с дедом ездили в Краснодар или в Сочи на распродажи. И ничего страшного.

У Нахаленка ситуация явно была ужасней.

Поначалу, встречая его на кортах, Лина только радовалась мимоходом. Повезло пацану, любимым делом занимается. Краем сознания она отмечала все тот же его потрепанный вид, худую мордашу с острыми скулами. Было ясно, что жизнь у него не сладкая.

Федор пытался с ним познакомиться, давал советы, когда они оказывались у стенки вместе. Пару раз Лина видела, как Нахаленок при этом молча уходит в уборную. Парни посмеялись на тему «Федя не сошел за авторитета», да и все. Нахаленок же не вызвал у них никакого интереса. Другое дело девчонки. Любопытство одолевало прекрасную половину группы. Самые смелые заводили разговор с «нелегалом». Но узнали только, что зовут его Мик, и что он неместный.

– Америкос, что ли? – Уточняли потом пацаны. – Че-то зачуханный больно, не похож.

– Да уж, Микки Маус. Мышонок и есть!

– А может и другое имя у него, – рассуждали девочки, – говорит, словно кашу жует, ничего не понять.

– Пошли еще подойдем. Пусть раскалывается!

Палыч пресек эти попытки. Как-то собрав группу после тренировки, он пророкотал:

– Вы все тут более-менее благополучные, и дай бог не узнаете, что такое настоящая беда. К парню этому не лезьте. Не до вас ему! А захотите помочь, где припасы хранятся, знаете!

Намек поняли. В тренерской, где отдыхали не только спортсмены, но и родители в ожидании своих чад, постоянно пополнялся запас кофе, чая и легкой снеди. И Мика – все стали звать его именно так, – Палыч чуть ли не с первого дня затащил туда перекусить. После речи тренера, в «буфете» стали появляться консервы, картошка, пакеты с вещами. Благотворительная акция набирала обороты.

Нахаленок, впрочем, ходил по-прежнему тощий и в одном и том же костюме. Его, хоть и не доставали расспросами, но время от времени обсуждали. Лина, как обычно, в общие разговоры не лезла. Она знала, что ее из-за этого считают заносчивой букой. Ну и пусть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.